

Цѣна отд. № 15 коп.

СПЕЦІАЛЬНЫЙ НОМЕРЪ
„ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ“

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 10

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

1913

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

8 АВГУСТА.

На годъ — 6 руб. 50 коп.; на полгода — 3 руб. 25 коп.; на три мѣс. — 1 руб. 75 коп.; на 1 мѣс. — 60 коп.

Цѣна объявленій за строку нонпарели 60 коп.]

Адресъ конторы и редакціи: СПБ., Невскій пр., 98. Телефонъ № 59-07.

Рис. А. Яковлева.

Вы замѣтили, читатель, что Почтовый Ящикъ — очень скромное существо: ютится гдѣ-то на задворкахъ, никогда не лѣзетъ впередъ, и видъ у него всегда дѣловой, хлопотливый... Такъ и кажется, что стоитъ онъ день-деньской у редакціонной плиты, подпоясавшись бѣлымъ фартукомъ, отъ жара раскраснѣвшись, отвѣты печетъ, да въ редакціонной корзинѣ краснымъ карандашомъ помѣшиваетъ...

Дѣловая голова, скромный малый.

И вдругъ — именины, которыя у каждаго человѣка бывають, а тѣмъ паче — могутъ быть у Почтоваго Ящика.

Пришли къ нему сотрудники гурьбой:

— Съ днемъ ангела васъ!

Даже смутился Почтовый Ящикъ, рукавомъ закрылся:

— И чтой-то вы, господа... Выдумаютъ тоже такое... Гдѣ ужъ намъ.

Но всѣ какъ закричать:

— Идемъ, идемъ!! Нечего тамъ... Какъ ты есть именинникъ, то тебѣ первое мѣсто въ этотъ день!!

И какъ ни упирался застыдившійся Почтовый Ящикъ — вытащили его и посадили на первое мѣсто...

А Оуму Опискина, Волчьи ягоды и стихи — дальше сдвинули:

— Мѣсто, молъ, имениннику! Насидѣлись тутъ.

Вотъ почему Почтовый Ящикъ въ этомъ номерѣ на первомъ мѣстѣ.

Въ день его ангела, мы, поднимая чернильницы и весело чокаясь ими — считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ защиту бѣднаго Почтоваго Ящика нашего журнала.

Безъ него номеръ неполонъ; разворачивая журналъ, почти всякій читатель не преминетъ пробѣжать Почто-

вый Ящикъ; а нѣкоторые даже набрасываются на Почтовый Ящикъ раньше, чѣмъ на что-либо другое...

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, отовсюду мы слышимъ такія слова:

— Не можетъ быть, чтобы цитаты Почтоваго Ящика были настоящими. Слишкомъ онѣ дики, чудовищны... Ave, навѣрное, самъ ихъ выдумываетъ...

Господа! Неужели, вы не понимаете, что самый изощренный юмористъ не выдумаетъ того, что даетъ прочный союзъ безграмотности съ безталантностью, пошлости — съ претензіей, напыщенности — съ глупостью.

Зачѣмъ же выдумывать, зачѣмъ трудиться, если такъ легко устроиться: распечатать сотню писемъ и дать на нихъ десятокъ отвѣтовъ.

Неужели, мы должны для доказательства хранить оригиналы всего безпардоннаго, безшабашнаго, безграмотнаго — что течетъ со всѣхъ концовъ Россіи широкой полноводной рѣкой?

Теперь слово вамъ, далекіе безвѣстные сотрудники Почтоваго Ящика: не огорчайтесь, не опускайте рукъ... Много васъ погибло, многіе уползли съ зияющими ранами, но нѣкоторые сразу перешагнули узкую шель Почтоваго Ящика и стали въ наши ряды. Ихъ примѣръ да убѣдитъ васъ, что ни одно дарованіе не остается не отмѣченнымъ, ни одна строка непрочитанной.

И чтобы еще болѣе убѣдить васъ, назовемъ вамъ тѣхъ трехъ (отысканныхъ нами черезъ Почтовый Ящикъ), которые нынче стоятъ въ первомъ ряду редакціонной коллегіи:

- 1) Владиміръ Воиновъ
- 2) Георгій Ландау
- 3) Ив. Кузьм. Прутковъ.

Симъ примѣрамъ — слѣдуйте!

ОТВѢТЫ ИМЕНИННИКА.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петербургъ.

Евилу О.—Извините, пишу вамъ стихи на первомъ попавшемся кусочкѣ бумаги, который подвернулся подъ руку...

Такъ ему и надо. Не подворачивайся!

Дамъ изъ 34 номера.

Дождикъ монотонный
По крышамъ стучить
И каналъ Обводный
Тихо такъ журчить,
Я брожу по берегу,
Нѣту силы ждать,
А кого я стерегу —
О томъ никому не знать.

Обводный каналъ когда-нибудь высохнетъ; берега его осыпятся; дождикъ перестанетъ; а плохіе стихи — никто никогда не перестанетъ писать...

Ю. Г.—Слишкомъ длинно. Осуждаемъ также нѣкоторую неразборчивость въ выборѣ собесѣдниковъ:

Въ лѣсу ночью на болотахъ,
Старушкамъ соснамъ говорю
О радостяхъ...

Москову. — Московъ въ письмѣ категорически утверждаетъ, что у нашихъ сотрудниковъ „по сравненію съ его рифмами — кишка тонка“.

Какой іезуитскій способъ: заронивъ въ редакторъ сомнѣніе относительно правильности строения внутреннихъ органовъ нашихъ постоянныхъ сотрудниковъ — Московъ хочетъ занять ихъ мѣсто.

Уймется, Московъ.

И въ квадратъ. „...Очнулся я на незнакомой постели. Въ головахъ (?) у меня сидѣлъ докторъ...“
Достаточно вамъ и одной головы, но чтобы въ ней сидѣлъ не докторъ, а учитель правописанія.

Б. Провинція.

Тифлисъ — А. С.-и. — По мнѣнію этого автора, вѣтеръ можетъ нести парикмахерскія обязанности:

— „Вѣтеръ завивалъ въ трубѣ“.

Не васъ-ли? Развивать васъ нужно.

Дергачи. — Горбунову. — Салонное остроуміе:

— Ты кретинъ!

— Врешь, я на островѣ Критѣ никогда не былъ.

Возможенъ, вѣроятно, и вариантъ:

— Ты дубина!

— Врешь, я въ Дубоссарахъ никогда не былъ.

Людей, которыя почему-либо найдутъ эти острооты не смѣшными, можно бить по лицу утюгомъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ ДЛЯ „САТИРИКОНЦЕВЪ“.

С.-Петербургъ.

Аркадію Аверченко. Г. Аркадій Аверченко пишетъ: („Бѣлымъ по черному“, стр. 512, изд. „Земля“, цѣна 1 р. 25 к.):

„Правой конечностью онъ обнялъ ея станъ и, пригнувъ ея къ себѣ, впился въ ея уста.

„Муся не сопротивлялась. Конечности у нея подкашивались. Голова закружилась, и всей своей плоскостью она шлепнулась къ нему на колѣни“.

Можемъ сообщить вамъ, что конструкція женщины за послѣднее время подверглась большимъ перемѣнамъ.

Стана у женщины уже не существуетъ, а есть талія. вмѣсто устъ женщины обзавелись простенькими губами.

„Губы“ не такъ торжественно, какъ „уста“, но зато онѣ прочнѣе и дешевле.

Правой конечностью мы положили вашу рукопись въ корзину... Слабо, милый.

И. П. Потемкину. Изъ г-на Потемкина:

„Словно избѣжавшій меча Дамокла,
„Наслаждался король жизнью врасосъ:
„То снималъ пенснэ, то теръ стекла,
„То опять надѣвалъ на носъ...“

По секрету скажу вамъ, что избѣжать меча Дамокла вовсе ужъ не такая трудная штука — нужно только встать съ мѣста, надъ которымъ виситъ этотъ мечъ и уйти... Пусть потомъ срыгается.

Радуемся, что вы, наконецъ, оставили скользкій путь декадентства и вступили на путь реалистическій.

Въ прежнее время вы-бы, конечно, заставили короля надѣвать пенснэ не на носъ, а на лѣвое ухо.

Привѣтствуемъ васъ на новомъ пути. Стихи-же не подошли.

Кстати, почему вы подписались „Ал. Вознесенскій?“

Вл. Азову. Вы пишете:

— „Моя фамилія кончается на „овъ“. Развѣ это не знаменательно? Всѣ фамиліи выдающихся нашихъ писателей кончались и кончаются на „овъ“ — Чеховъ, Пѣшковъ, Брюсовъ, Тургеновъ, Андреевъ, и т. д. Я вѣрю, что это не спроста“.

Мы тоже вѣрили, что это не спроста, до тѣхъ поръ, пока не прочитали вашего разсказа.

Разсказъ вашъ начинается такъ:

„Николай Золотыя Очки, скатавъ партію на биліардѣ, выругался антиотцовскимъ словомъ и сплюнулъ на полъ.“

— Эти „сицилисты“ у меня вотъ гдѣ сидятъ! — сказалъ онъ въ сердцахъ, хлопнувъ себя ладонью лѣвой руки по правой шеѣ.

Николай Золотыя Очки еще разъ выругался и еще хлопнулъ себя по шеѣ. („Цвѣтныя стекла“, цѣна 1 р. 10).

Милый, г. Вл. Азовъ! Увѣряемъ васъ, что „сицилисты“ теперь сидятъ гдѣ надо, а не на шеѣ у Николая Золотыя Очки.

Впрочемъ, присылайте. Кое-что въ васъ есть. Пишите. Отъ того, что вы зароете талантъ вашъ въ землю, земля не вздорожаетъ.

Ужъ лучше, подобно Аркадію Аверченко, заройте талантъ свой въ „Землю“...

Дымову — „... Послѣ того, какъ кончилось „это“, началось немедленно „то“... И стало еще грустнѣе. Казалось, человекъ ѣлъ капусту и не доѣлъ... Казалось, душа промокла въ тѣлѣ... И снова началось „то“. А когда кончилось безконечное, безсмертное „это“, снова началось безграничное „то“... И... свѣтила луна, эта великая актриса ночи. И скрылся мѣсяць, этотъ бездарный актеръ полуночи.“ („Томленіе духа“, изд. „Шиповника“, стр. 207).

И „то“, и „это“ нашло вѣчное успокоеніе въ корзинѣ. Не жалѣйте объ „этомъ“. Не плачьте о „томъ“. Имъ теперь хорошо... Ждемъ еще.

Провинція.

Леониду Андрееву. За неимѣніемъ вашей рукописи мы бросали въ корзину разсказъ Арцыбашева.

Смѣемъ увѣрить васъ, что разсказъ Арцыбашева никогда не былъ такъ на своемъ мѣстѣ, какъ теперь. Присылайте безъ страха. Слухи о томъ, что мы не даемъ хода молодымъ авторамъ, злостно преувеличены.

Александрѣ Рославлеву.

„Теперь не страшна никакая угроза.“

„Мнѣ много помогъ.“

„Мой березовый богъ“.

Очень больно было? Такъ вамъ и надо!

Пишите сказки! Пишите сказки! Пишите сказки!

Маркъ-Твену (загробный міръ мы рѣшили считать провинціей).

Хорошо вамъ, товарищъ. Вы не только американецъ, но еще и покойникъ; само собой разумеется, вы въ безопасности. Мертвые ничего не боятся.

Мы-же, говорятъ, еще живые... Намъ самимъ не вѣрится, но говорятъ...

Пришлите что-нибудь изъ жизни мертвецовъ.

Но, ради Бога, не задѣвайте высокопоставленныхъ покойниковъ. Знаете, мертвые тоже срама не имутъ... Оштрафуютъ...

О. Л. Д'Орь.

ИСТОРИЯ ПОЧТОВАГО ЯЩИКА
И КОРЗИНЫ.

Рознѣй, чѣмъ чашка и стаканъ,
Почтовый ящикъ и корзина,
Хоть зачастую ихъ профанъ
И соединяетъ во едино.
Розны уже хотя-бы тѣмъ
(И это-ль розни не причина!),
Что ящикъ далеко не нѣмъ
И отроду нѣма корзина.
Они, два жадныхъ существа,
Охочи ужасъ какъ до писемъ
И обладаютъ оба два
При всемъ томъ аппетитомъ рысьимъ.
О, какъ завидуютъ они,
Непримиримые, другъ другу!
Готовъ всѣ ночи и всѣ дни
Почтовый ящикъ злить подругу.
Едва редакторъ разорветъ
Конвертъ одинъ изъ цѣлой пачки,
Ужъ оба разѣваютъ ротъ
И просятъ оба о подачкѣ.
Смущенъ редакторъ, какъ тутъ быть,
Жить тяжело, не пообѣдавъ —
Котораго же накормить
Изъ этихъ мрачныхъ людоедовъ.
И вотъ бросаетъ наобумъ,
Закрывъ глаза, куда попало,
Онъ письма, и мутится умъ
Руководителя журнала.
Почтовый ящикъ, если онъ
Тѣ письма спорныя поймаетъ,
На нихъ какъ лучший граммофонъ
Безъ передышки отвѣчаетъ.
Но мрачно письма тѣ варитъ
Корзина у себя въ желудкѣ,
Не прошумитъ, не прогремитъ
И ни одной не кинетъ шутки.
Отъ ненависти до любви,
Извѣстно всюду — шагъ единый.
И завелась игра въ крови
И страсть — у ящика съ корзиной.
Случилось это только разъ
Во дни невольной голодовки...
Обоимъ ни плохой разсказъ,
Ни стихъ не перепаль неловкій...
И подвело имъ животы,
И страсть ихъ души охватила...
И сила страсти и мечты
Враговъ любовью соединила.
Корзина, молча впавъ въ экстазъ,
Въ объятія ящика упала...

Но это было только разъ,
Когда ужъ не было журнала!

Потемкинъ.

ТАЙНА ПОЧТОВАГО ЯЩИКА.

Въ почтовомъ ящикѣ заключается какая-то тайна, великая, неразгаданная. Отодвинуль жестяную занавѣску, а въ нѣкоторыхъ ящикахъ — жестяную бахрому — открылась щель. Опустилъ въ щель письмо и отправился по своимъ дѣламъ — на службу, зубъ пломбировать, на свиданіе. А письмо пошло, безповоротно пошло, и ужъ не вернуть его. Написано на конвертѣ: „Вальпарайзо“, — пошло въ Вальпарайзо. Написано: „Пропойскъ“, — пошло въ Пропойскъ. Чортъ его знаетъ, какъ это устроено и какая въ немъ сидитъ машина. Электричество, что-ли? Одно я знаю твердо: опущено — стало быть, пошло. „Разстояніемъ не стѣсняется“.

Церковная кружка устроена по виду такъ же, какъ почтовый ящикъ. Но опустите письмо въ церковную кружку — никуда оно не пойдетъ. Значитъ, не во вѣншемъ устройствѣ сила, а во внутреннемъ механизмѣ. Марки тоже не имѣютъ значенія. Я пробовалъ не разъ опускать письма безъ марокъ. Доходили какъ нельзя лучше, но только адресаты почему-то ругались.

Мнѣ самому случалось говорить: „я не получилъ вашего письма“. И мнѣ говорили: „я не получилъ вашего письма“. Мнѣ не вѣрили и я не вѣрилъ. Однажды я сказалъ одной дамѣ, которой я позабылъ отвѣтить на ея письмо: — „простите, я вашего письма не получилъ. Должно быть, почтовый ящикъ испортился“.

Она подняла меня на смѣхъ, и изъ этого я заключилъ, что почтовые ящики никогда не портятся. Вотъ еще тайна! Автомобили, швейные машины, музыкаль-

ные ящики — всѣ отъ времени расшатываются, портятся, требуютъ ремонта. Почтовый ящикъ-же — никогда! Температура не имѣетъ ни малѣйшаго значенія. Однажды въ Иркутскѣ я опустилъ письмо въ почтовый ящикъ, тамъ было 43 градуса мороза. Я былъ убѣжденъ, что оно гдѣ-нибудь внутри примерзнетъ. Однако, дошло преакуратно до самой Москвы, хотя и было безъ марки. Адресатъ потомъ, правда, ругался.

Когда я былъ молодымъ и дерзкимъ, я продѣлывалъ съ почтовымъ ящикомъ всякаго рода штуки. Однажды я написалъ открытку самому себѣ и опустилъ ее въ почтовый ящикъ, прибитый у самага могого подъѣзда. Не прошло и четырехъ часовъ, какъ эта открытка очутилась у меня на письменномъ столѣ. Впрочемъ, швейцаръ слупилъ съ меня за это 6 копѣекъ. А другой разъ я опустилъ въ почтовый ящикъ этикетку и пробку отъ шампанскаго. Этикетка дошла, а пробка — нѣтъ. Должно быть, застряла въ механизмѣ.

Когда-нибудь, на свободѣ, надо будетъ достать какую-нибудь книжку о почтовомъ ящикѣ, съ чертежами и узнать, какъ онъ устроенъ. Живешь вотъ такъ, какъ дикарь. Пользуешься трамваемъ, телефономъ, автомобилемъ, почтовымъ ящикомъ, а какъ они устроены, почему дѣйствуютъ — не знаешь.

Все классическое образование, чортъ его побери!

Влад. Азовъ.

ДОБРОЕ СТАРОЕ ВРЕМЯ.

Рис. Миссъ.

Вмѣсто почтовой марки.

„... Лъщу себя, что отвѣтите не замедляя — пойдутъ или не пойдутъ мои стихи въ Вашихъ курантахъ... На отвѣтъ прилагаю нарочнаго Фильку. *)“...

*) А теперь-то, какъ дѣло упростилось: вмѣсто большого Фильки — маленькая 7-и коп. марка!

Ред.

„ОДИНОКАЯ ДУША“.

Тамъ, гдѣ воздухъ звонко-синій
Дышетъ запахами горь;
Тамъ, гдѣ рядъ желѣзныхъ линій
Легъ, сверкая, черезъ боръ;
Гдѣ въ широкіе провалы
Станціоннаго окна
Тупо смотрять только шпалы,
Да жандармова спина;
Гдѣ вагоны мчатся борзо,
Громыхая и спѣша, —
Глухо вянетъ возлѣ „Морза“
„Одинокая душа“.
Весь досугъ она блуждаетъ,
Подъ сигнальные свистки
Ищетъ, рыщетъ, ожидаетъ
И страдаетъ отъ тоски.
Завладѣли ей Уэльсы,
Жюли-Верны, Вальтеръ-Скотъ,
И глядитъ она на рельсы,
Какъ на черный эшафотъ.
И тяжелую отвагу,
Не изжитую въ глуши,
Выливаетъ на бумагу
Крикомъ раненой души.
И выходятъ эти крики
Чѣмъ-то юнымъ, молодымъ:
Многотонны, многолики
И расплывчаты, какъ дымъ.
Тутъ и „глазки, какъ опалы“,
И „букеты алыхъ розъ“,
Рядомъ съ этимъ — „рельсы, шпалы“
„Семафоръ“ и „паровозъ“.
И, обильный на помарки,
Но не щедрый на гроши —
Отправляется безъ марки
Этотъ крикъ больной души.
Посвященъ онъ „милой Зинѣ“,
Только — смысла — ни шиша!..
И пристроится въ „корзинѣ“
„Одинокая душа“.

Ты, творящій на дрезинѣ,
Бѣдный Надькинъ! *) Слышишь? А?

Владиміръ Воиновъ.

*) Телеграфистъ Надькинъ дѣйствительно существуетъ. Въ прежнее время онъ часто присылалъ свои произведения, пытаясь проникнуть въ печать — то подъ псевдонимомъ „Крестьянинъ“, то „Юный Шиллеръ“. Неоднократно былъ изловленъ, обличенъ и пристыженъ.

МУЗА ПОЧТОВОГО ЯЩИКА.

Я — муза тѣхъ, кто девятью
 Иными музами обиженъ,
 Я второсортный нектаръ пью,
 И стыдъ во мнѣ, какъ все, пониженъ...
 Я вдохновляю пошляковъ.
 Глупцовъ, невѣждъ и графомановъ,
 Я живу прозы и стишковъ
 Изъ нихъ пускаю, какъ изъ крановъ.
 Я наводняю всѣ столы
 Въ редакціонныхъ кабинетахъ,
 Сама пишу себѣ хвалы,
 Сама забочусь о поэтахъ:
 Я говорю: „вотъ — мой поэтъ,
 Вотъ вдохновенныхъ грезъ образчикъ,
 Гдѣ воспѣвается „предметъ“, —
 Прошу пустить въ почтовый ящикъ!“
 И напечатаютъ... въ концѣ
 Редакціоннаго отдѣла, —
 А стыдъ я въ истинномъ жрецѣ
 Давнымъ давно убить сумѣла!
 Не все-ль равно мнѣ, какъ и гдѣ?
 Пусть отзывъ флокъ и нелестенъ,
 За то повсюду и вездѣ
 Мой жрецъ становится извѣстенъ!!
 А за извѣстностью слѣдомъ
 Глядишь и явится издатель,
 И гордо выпуститъ свой томъ
 Почтово-ящечный писатель!
 Античный міръ не зналъ меня,
 Я-бъ въ немъ была нѣма, какъ рыба, —
 Я — муза нынѣшняго дня,
 Я — муза новаго пошиба!
 Нашла я вѣрные пути
 Въ цѣлинѣ пошлости завятой, —
 И можетъ быть, что въ вѣкъ двадцатый
 Я грозно крикну девяти:
 „Поразступитесь предъ десятой!“

К. Антиповъ.

СЕКРЕТАРЬ ИЗЪ ПОЧТОВОГО ЯЩИКА.

I.

Редакционный сторож вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ и сказалъ:

- Васъ тамъ спрашиваютъ.
- Кто спрашиваетъ?
- Царь Эдипъ.
- А что ему нужно?
- Съ рукописью, что-ли.
- Пусть подождетъ. Сейчасъ, когда кончу — позвоню. Тогда впустишь.

Послѣ моего звонка, дѣйствительно, въ кабинетъ вошелъ Царь Эдипъ.

Это былъ очень упитанный молодой человекъ, съ глазами на выкатѣ, толстыми губами и горделиво откинутой назадъ головой. Лицо его было сплошь покрыто веснушками, а руки — рыжимъ пухомъ.

— Здравствуйте, здравствуйте, — снисходительно сказалъ онъ, усаживаясь. — Вы, конечно, помните Царя Эдипа по почтовому ящику?

— Ну, не только по почтовому ящику, — возразилъ я.

Онъ удивился.

— Какъ? Неужели, вы еще гдѣ-нибудь встрѣчали мое имя?

— Да, встрѣчалъ... Грекъ тамъ былъ одинъ такой, Эдипъ. Потомъ Антигона...

— Миѣ! — отрубилъ онъ. — А хороший я себѣ псевдонимъ выбралъ, а?

— Недурной.

— Заковыристый, а?

— Завонистый, — согласился я.

— Забористый псевдонимчикъ. Вы, навѣрное, были удивлены, когда отвѣчали первый разъ въ почтовомъ ящикѣ. Что, бишь, вы тогда отвѣтили?

— Если не ошибаюсь, такъ: „Здѣсь, Царю Эдипу. Написано съ царственной небрежностью. Уничтожили“.

— Да... кажется, такъ. А второй разъ написали: никакая „голова“, кромѣ, можетъ быть, вашей, — не рифмуется со словомъ „солома“. Это у меня стихи такіе были:

Повсюду лишь пустырь одинъ,
Куда ни взглянетъ голова.
И преждевременныхъ сдѣлать
Повсюду вѣтется солома.

Здорово вы мнѣ въ почтовомъ ящикѣ тогда отвѣтили!

— Вы что-же, — осторожно спросилъ я. — По поводу этого отвѣта и пришли со мной объясняться?

— Нѣтъ, не по поводу этого. Я пришелъ къ вамъ по поводу третьяго вашего отвѣта. Вы тогда написали въ этакомъ серьезномъ духѣ: оставьте навсегда сочинение стиховъ. Дружески совѣтуемъ заняться чѣмъ-нибудь другимъ.

Эдипъ въ упоръ посмотрѣлъ на меня и вѣско спросилъ:

— Чѣмъ-же?

— Что „чѣмъ-же“?

— Чѣмъ-же мнѣ заняться?

— А я откуда знаю.

— Нѣтъ, — возразилъ онъ, еще болѣе вѣско. — Такъ-же нельзя. Разъ вы такъ категорически совѣтуете мнѣ въ одномъ направленіи — вы должны посоветовать и въ другомъ направленіи. Согласитесь сами, что, отговоривъ меня отъ поэтическихъ занятій, вы тѣмъ самымъ взяли, такъ сказать, на себя отвѣтственность за мою дальнѣйшую судьбу.

— Я бы могъ вамъ посоветовать, что-нибудь въ смыслѣ выбора вашей карьеры, но для этого я долженъ знать, что вы собой представляете и на что способны.

— На все! — снова отрубилъ онъ.

— Это слишкомъ много. И иногда даже опасно. Нужно быть способнымъ на что-нибудь одно. Чѣмъ-бы, на примѣръ, вамъ хотѣлось заняться?

— Мнѣ-бы все-таки хотѣлось занять мѣсто, имѣющее отношеніе къ литературѣ.

— Ну, на примѣръ?

— Я бы хотѣлъ быть секретаремъ вашего журнала.

— У насъ есть секретарь.

— Тоже препятствіе! Его можно расчитать.

— Да какъ-же мы его „расчитаемъ“, если нѣтъ причины.

— Мнѣ-ли васъ учить! — ухмыльнулся онъ. — Придеритесь, что онъ какую-нибудь важную рукопись потерялъ, и вышибите его.

— Конечно, я могъ-бы устроить эту штуку, — согласился я съ самымъ общиническимъ видомъ. — Но кто мнѣ поручится, что вы окажетесь лучше его?

— Да помилуйте! Я сразу переверну все вверхъ дномъ. Я...

II.

Въ кабинетъ вошла служащая изъ конторы.

— Что вамъ, Софья Наумовна? — спросилъ я.

— Изъ типографіи сообщаютъ, что цензура не пропустила стихотворенія съ виньеткой.

— А вы зачѣмъ-же посылали стихотвореніе, — строго спросилъ ее Царь Эдипъ. — Послали-бы одну виньетку.

— Мы раньше и послали одну виньетку. Они и виньетку не пропустили.

Царь Эдипъ нервно забарабанилъ пальцами по столу.

— Что-же мнѣ дѣлать со всѣмъ этимъ, — задумчиво прошепталъ онъ. — Гм! Ну, да ладно. Скажите, что я самъ заѣду, объяснюсь съ Петромъ Васильевичемъ.

Конторская служащая удивленно взглянула на хлопотливаго Эдипа, потомъ взглянула на меня и вышла.

— Кто это Петръ Васильевичъ? — спросилъ я.

— Тамъ одинъ... Пріятель. Вся цензура отъ него зависитъ... Альфа и Омега! Вы у кого бумагу для журнала берете. Почему платите?

Я сказалъ:

— Ого! Дорого платите. Я могу устроить вамъ бумагу на 15 процентовъ дешевле. Вы позволите?

Прежде, чѣмъ я успѣлъ что-нибудь сказать, онъ снялъ телефонную трубку, нажалъ кнопку и сказалъ:

— Центральная? 77 — 18. Да, мерси. Это кто говорить? Ты, Эдуард Павлыч? Тебя-то мнѣ и надо. Слушай! Сколько ты можешь ради меня посчитать бумагу для „Новаго Сатирикона“. Что? Ну, высчитывай. Да... Такую же. Что? Врешь, врешь. Дорого. Считай еще дешевле. Что? Ну, это другое дѣло. Спасибо. А? Что же это ты вчера удрал так потихоньку изъ „Аквариума“?... Никому ни слова, безстыдникъ... Ага! Ну, прощай. Такъ мы тебѣ пришлемъ заказъ.

Онъ повѣсилъ трубку и сказалъ:

— Сдѣлано. А вы все время переплачивали 15 процентовъ. Въ годъ это составляетъ пять тысячъ рублей, въ десять лѣтъ пятьдесятъ, а въ сто — полмилліона! Вы подумайте!!

Я всталъ съ кресла и зашагалъ по кабинету.

III.

— Теперь вы скажите мнѣ вотъ что: какъ у васъ поставлено дѣло съ объявленіями? Почему у васъ нѣтъ банковскихъ объявленій?

Онъ уже успѣлъ пересѣсть на мое мѣсто и дѣлалъ карандашомъ какія-то замѣтки въ записной книжкѣ.

— Банки не даютъ объявленій въ сатирическіе журналы.

— Вздоръ. Конечно, Государственный Банкъ не даетъ, но частные — почему-же? Напримѣръ, Сибирскій. Да мы это сейчасъ-же можемъ устроить. У меня тамъ есть кое-какія знакомства... Алло! Центральная? 121 — 14. Спасибо. Сибирскій Банкъ? Попросите Михаила Евграфовича. Да. Это ты? Здравствуй. Ну, какъ у васъ въ этомъ году дивидендъ? Ага! То-то. А я къ тебѣ за однимъ маленькимъ дѣломъ. А? Да. Пришли завтра-же объявленіе для „Новаго Сатирикона“. Что? Пустяки! И слушать не хочу! Ну, то-то. А? Да недорого. Пятьсотъ рублей за страницу я съ тебя возьму. Что? никакихъ скидокъ!!

— Дайте ему скидку двадцать процентовъ, — сказалъ я.

Онъ укоризненно покачалъ головой.

— Охъ, балуете вы ихъ... Не слѣдовало-бы. Ну, ты тамъ... Гроссъ-бухъ! Слушаешь? Мы тебѣ дѣлаемъ скидку въ 20 процентовъ. Что? Ага!

Онъ обернулъ лицо ко мнѣ.

— Благодарить васъ.

— Не стойте — скромно возразилъ я. — Значить, дѣло сдѣлано?

Онъ повѣсилъ трубку.

— Сегодня не успѣть прислать. Завтра утромъ. Ничего?

— О, помилуйте.

Онъ сложилъ руки на груди и откинулся на спинку моего кресла.

— Теперь скажите... Какъ у васъ поставлена редакціонная часть?

— Въ какомъ смыслѣ?

— Я бы хотѣлъ знать: кто у васъ пишетъ.

— Да многіе пишутъ.

— Такъ, такъ...

Онъ поднялъ голову и строго спросилъ:

— Короленко пишетъ?

— Нѣтъ. Да вѣдь онъ для юмористическихъ журналовъ, вообще, не пишетъ.

— Это не важно. Интересное имя. Пусть дастъ просто какую-нибудь пустяковину — и то хорошо. Да вотъ мы сейчасъ пощупаемъ почву. Понюхаемъ, чѣмъ тамъ пахнетъ. Алло! Центральная? Дайте, барышня, „Русское Богатство“! Что? Чортъ его знаетъ, какой номеръ. Посмотрите, голубчикъ.

Я покорно взялъ телефонную книжку, перелисталъ ее и сказалъ:

— 447 — 11.

— Благодарствуйте. Алло! 447 — 11. Да. Попросите къ телефону Владимира Игнатьича!

— Галактионовича, — поправилъ я.

— Да? Хе-хе!.. Я его по отчеству никогда не называю. Алло, алло! Это кто? Ты, Володя? Здравствуй, голубчикъ. Ну, что, пописываешь? Хе-хе! „И пишетъ бояринъ всю ночь напролетъ! Перо его мѣсто дышетъ“... Бросилъ бы ты, братъ, свою публицистику — написалъ-бы что-нибудь беллетристическое... Куда? Ну, да ужъ будь покоенъ — пристроимъ. Давай мнѣ, я тебѣ авансикъ устрою, все какъ слѣдуетъ. Только ты, Володичка, вотъ что: повеселѣ что-нибудь закрути. Помнишь, какъ раньше. Мнѣ для юмористическаго жур-

нала. Что? Уже написано? Семьсотъ строкъ? Что ты, милый, это много! А? Ну, да, ладно. Сократить можно. Прочтемъ, отвѣтимъ въ Почтовомъ Ящикѣ. Прощай! Аннѣ Евграфовнѣ и Катенькѣ мой привѣтъ. Ффу!

Онъ устало опустился въ кресло.

— Какъ вы думаете, 700 строкъ — это не много? Я, впрочемъ, предупредилъ, что мы сокращаемъ...

IV.

— А у васъ, я вижу, большія знакомства, — заискиваете сказалъ я.

Эдипъ снисходительно улыбнулся.

— Ну, ужъ и большія! Кое-кто впрочемъ есть. Если вамъ нужно, пожалуйста! Хе-хе! Эксплуатируйте! Ну, а теперь вы мнѣ скажите: выстою я противъ вашего секретаря?

— Господи! Можетъ-ли быть сравненіе!! Только вотъ не знаю я, какъ отъ него лучше избавиться: обвинить въ потерѣ рукописи или просто придратъся къ его убѣжденіямъ?..

Царь Эдипъ призадумался.

— А можно и такъ, — посоветовалъ онъ. — Написать ему письмо, будто отъ другого журнала — и предложить тамъ мѣсто съ двойнымъ жалованьемъ. Онъ сейчасъ-же заявитъ тутъ о своемъ уходѣ — мы его и проводимъ, голубчика. Скатертью дорога!

— Идея, — одобрилъ я. Значить, до завтра.

— Вы мнѣ завтра позвоните?

— Позвонить? — пробормоталъ я, искоса поглядывая на него. — Это не такъ-то легко. Кстати, вы знакомы съ директоромъ телефонной сѣти?

— Съ директоромъ? Сколько угодно. Кто же не знаетъ Ваничку! А что нужно?

— Попросите его, пожалуйста, поскорѣе включить этотъ телефонъ въ общую сѣть. А то уже три дня, какъ поставили аппаратъ, а въ сѣть онъ еще не включенъ. Совершенно мы, какъ говорится, отрѣзаны отъ всего міра.

Царь Эдипъ подошелъ къ дивану и погладилъ его спинку; потомъ подошелъ къ окну, отогнулъ портьеру и выглянулъ на улицу; взялъ изъ пепельницы спичку, сломалъ ее, положилъ обратно; снова погладилъ спинку дивана; переставилъ на новое мѣсто бокаль съ карандашами; взялъ свою шляпу, провелъ по ней рукавомъ и вдругъ выбѣжалъ въ переднюю.

Секретарь у насъ прежній.

Аркадій Аверченко.

РЕДАКТОРУ, ЧИТАЮЩЕМУ РУКОПИСИ.

Экспромтъ.

Ты читаешь. И въ осанкѣ
И въ лицѣ твоёмъ — безстрастьё,
Ты — что птичка на шарманкѣ,
Вынимающая счастье!..

Красный.

СОЛИДНЫЙ ОРГАНЪ.

Редакторъ: — Вы уже гдѣ-нибудь помѣщали свои произведенія?

Посѣтитель: — Какъ-же, какъ-же!

— А въ какомъ органѣ?

— Въ самомъ солидномъ. Въ официальномъ.

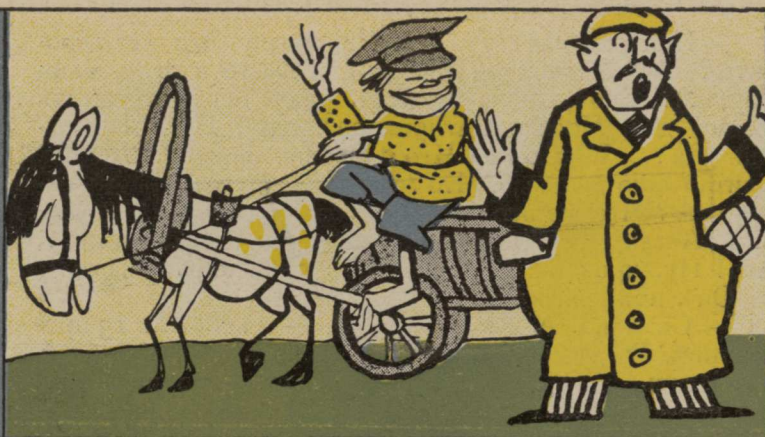
— А-а... Садитесь пожалуйста. Гдѣ же?

— Въ Императорскомъ Воспитательномъ Домѣ.

Въ „Рептильномъ Визгѣ“ Пичугинъ въ почтовомъ ящикѣ прочелъ: — крестьянамъ Саратов. г. поселка „Свиной Бродъ“. — Пошлѣемъ, согласно вашему желанію, 100 шт. книги „Культура злаковъ въ Бельгій“. Радуемся, что ваши хутора такъ процвѣтають. Проектъ школы въ сгѣтѣ Лодовика XIV, какъ вы хотѣли, на 3000 ч. пошлѣемъ. Пишите.
— Вотъ гдѣ культура-то начинается!.. Пѣду, непременно поѣду посмотрѣть.

Тщетно Пичугинъ искалъ по всей „Сарат. г.“, поселокъ „Свиной Бродъ“, — не находилось такого, и хуторовъ не находилось, а была пыль, недорождъ и скука.

— Гм... странно, какимъ, однако, быстрымъ темпомъ живеть Россія, какъ все быстро мѣняется... Было — и вотъ ужъ нѣту!

Пичугинъ читалъ: — Дерibasовская, д. № 0, студентамъ Н. В. К. С. — Вы спрашиваете, гдѣ можно купить портретъ Пуришкевича въ золотой рамѣ. Вышлѣмъ 2000 штукъ. Вышлѣмъ 3000 комплектовъ „Земщины“; и „Рус. Знамени“, остальные 10.000 комплектовъ вышлѣмъ черезъ недѣлю, сейчасъ нѣту.

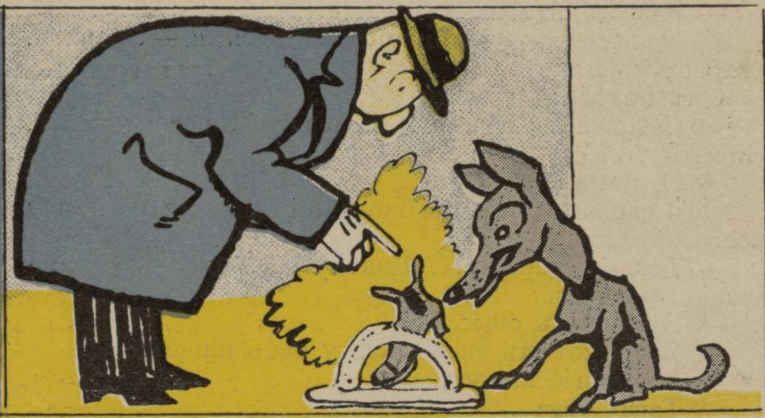
— Это хорошо, когда учащаяся молодеждъ патриотовъ уважаетъ! — думалъ Пичугинъ, направляясь въ Одессу.

Долго онъ ходилъ по Дерibasовской, но увы, въ указанномъ домѣ жили не студенты, а совсѣмъ даже наоборотъ.

Грустный, грустный возвратился Пичугинъ въ Петербургъ.

Пичугинъ читалъ: — Крестьянину Мардашину. — Приходите къ 10 ч. вечера въ редакцію. Поговоримъ съ вами о желаніи вашихъ односельчанъ поставить памятникъ г. Скворцову, редактору „Колокола“. Ждемъ.
Блестящая мысль пришла въ голову Пичугину.

Ровно въ 9 ч. онъ поставилъ капканъ передъ редакціей „Рептильный Визгъ“.

Увы, желаніе увидать своими глазами этого крестьянина толкнуло его даже на жестокость.

Утромъ онъ нашелъ въ капканѣ башмакъ крестьянина. Что дѣлать? — Ага! — обращусь-ка къ Трефу.

Трефъ увѣренно шелъ все впередъ и впередъ; Пичугинъ не отставалъ.

Странно, куда же это ведетъ его Трефъ, по какому слѣду?..

Около кабинета редактора Трефъ остановился, потомъ стрѣлой ворвался въ кабинетъ и бросился на редактора. Редакторъ быстро закрылъ „почтовый ящикъ“, который только что писалъ, и сконфуженно заморгалъ... И Пичугинъ сразу понялъ, почему онъ не могъ найти корреспондентовъ „Рептильного Визга“.

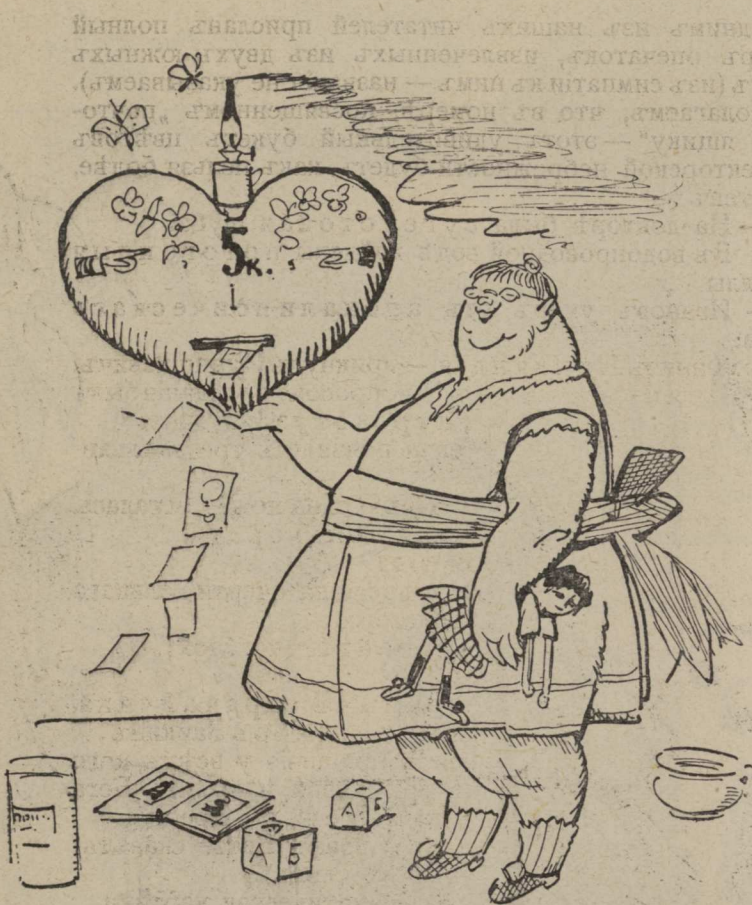

ПЕРВЫЕ СТИХИ ВЪ ЖУРНАЛЪ.

Мать (умиленно). — И подумать только, что этому самому сопливому Петькѣ, которому я всегда носъ утирала — будетъ поставленъ когда-нибудь памятникъ, а?

Отецъ. — Ну, тогда ужъ Петька долженъ постараться для родителя, чтобы мнѣ сдали чугуныя работы и литье съ подряда!

ТИПЫ ПОЧТОВЫХ ЯЩИКОВЪ. — ДЪТСКИИ.

Милому кстику — дорогая редакция.

Котикъ, стихотвореніе намъ понравилось:

Собирайтесь въ кружокъ,
Миленькія дѣтки.
Есть у маменьки платокъ,
А въ платкѣ котлетки.

Милый кока, люби маменьку, люби платокъ, люби котлетки и будь честнымъ работникомъ на родненькой нивочкѣ маленькой Россіюшки.

Оль Бузкиной. — Не плачь, Олечка, о своемъ умершемъ кроличкѣ, а плачь о томъ, что ты не отнесла его мясо бѣднымъ дѣткамъ, а изъ шкурки его не сдѣлала одежду для нищихъ.

МОШКАРА.

Иногда я захожу по редакціоннымъ дѣламъ въ кабинетъ редактора и, сидя въ укромномъ уголку, наблюдаю цѣлую вереницу являющихся съ объясненіями „туземцевъ почтового ящика“.

Особенно запомнились мнѣ трое: „любитель рифмъ“, „разсѣянная дама“ и „практичный Шпигельглюзъ“.

Любитель рифмъ.

Толстъ. Добродушное лицо, на которомъ искрятся и переливаются смѣхомъ два крохотныхъ черныхъ глаза, похожихъ на пару зеренъ бисера.

Усѣлся онъ, широко разставивъ толстыя ноги, оперся ладонями о палку и, наклонившись, спросилъ:

— Послушайте, редакторъ... Ну, за что вы меня изругали въ вашемъ почтовомъ ящикѣ? Ей Богу-же, стихи замѣчательные.

— Рифма не выдержана, — улыбается угломъ рта редакторъ, зараженный его благодушіемъ.

— У меня?! Невыдержана? Рифма?! Ну, знаете ли... Вы знаете, кто я? По моему, наилучшій специалистъ по рифмѣ.

— Ну да, еще бы... А въ двухъ мѣстахъ срифмовали „дождикъ — зонтикъ“, „сіяніе — мѣропріятіе“.

— Нечаянно, ей Богу, нечаянно, — закричалъ толстый поэтъ, подпрыгивая на стулѣ. — Ну, давайте! Давайте же — я сейчасъ исправлю!!

— Поздно, — грустно улыбается редакторъ. — Уничтожили.

— Эхъ вы! А то бы исправилъ... Вы знаете, я въ рифмахъ, какъ рыба въ водѣ. Задайте мнѣ какое угодно слово. Рифма — черезъ минуту!

Я сказалъ изъ своего угла:

— Ну, найдите рифму къ слову „Рославлевъ“...

— Удареніе на „о“? Ого, трудновато. Впрочемъ, сейчасъ... Извольте!

Однажды видѣлъ Рославлевъ,
Какъ, пьянъ и голъ, матросъ легъ въ хлѣвъ.

Я засмѣялся, редакторъ пожалъ плечами.

— Они говорятъ — у меня рифма не выдержана, а? Да я именно, такъ сказать, щеголь рифмы. Вотъ, напримѣръ:

Ахъ, плохая моя категория:

Причинилъ, причинилъ Катѣ горе я

Развѣ плохо? Хотите, я для вашего журнала напишу стихотвореніе, гдѣ будетъ такая рифма:

Не прельщаютъ ламъ піоны,
Любятъ ламы лампіоны...

— Какіе это ламы? — мрачно спросилъ редакторъ.

— Ламы... знаете? Буддійскіе священники.

— Ну, кромѣ буддійскихъ священниковъ есть еще ламы — въ Южной Америкѣ, порода козъ.

— И того лучше! Выбирайте любую.

— Значитъ, вы изъ-за одной красивой, но бессмысленной рифмы, будете писать все стихотвореніе?

— Зачѣмъ-же „бессмысленной“? Ну... сюжетъ можно такой: дескать, южно-американская лама то-скуеть въ зоологическомъ саду; дѣвушка подходитъ къ ней и просовываетъ сквозь рѣшетку піонъ; но лама отвернулась и вперила взглядъ своихъ прекрасныхъ грустныхъ глазъ въ электрической лампіонъ.

— Не надо, — сказалъ редакторъ.

— Чего не надо?

— Такого стихотворенія.

— Жалко. Ну, прощайте. Кстати, я хорошее слово выдумалъ, новое: „деликатъ“. Существительное отъ слова „деликатный“. Нельзя-ли вставить куда-нибудь?

— Хорошо, вставимъ. Досвиданія.

Уходя, любитель рифмъ все-же уронилъ:

Досвиданія, досвиданія —

Вы не Турція, да-съ, вы Данія!

Разсѣянная дама.

Черная шляпа, бѣлое лицо, красныя губы, сѣрые глаза; коричневое, лихо обтягивающее станъ, платье, коричневыя перчатки, совсѣмъ прозрачныя чулки и черныя лакированныя туфельки.

— Здравствуйте... Ха-ха-ха! Можете представить — по ошибкѣ попала на этой-же площадкѣ къ старшему нотаріусу. Вотъ совпаденіе!

— Онъ не старшій нотаріусъ, — возразилъ редакторъ, — а просто нотаріусъ.

— Толкуйте! Старшій нотаріусъ. Я-жъ его видѣла.

— Почему вы думаете, что старшій?

— Лысый. А я одинъ разъ видѣла въ Сестрорѣцкѣ обыкновеннаго нотаріуса — тотъ черный, молодой. Купаетесь?

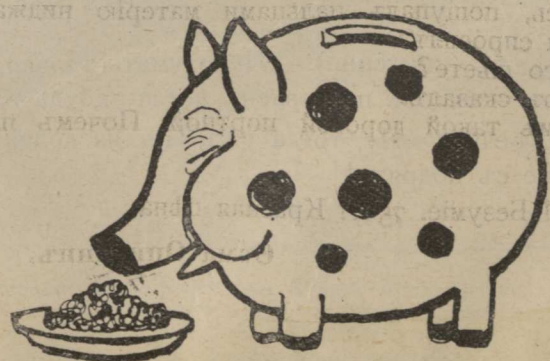
— Нѣтъ. Виноватъ, вы съ рукописью?

— Да, такъ принесла какую-то ерунду. Бываете на скетингѣ?

— Нѣтъ. Оставьте рукопись, мы просмотримъ. Черезъ двѣ недѣли отвѣтъ.

— Двѣ недѣли! Да мы, можетъ быть, въ двѣ недѣли всѣ поумираемъ. Ха-ха!

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ ГАЗ. „РОССІЯ“.

— Ну, въ отношеніи васъ я могу быть спокоенъ, въ этомъ возрастѣ умирають рѣдко.

— А какъ вы думаете, сколько мнѣ лѣтъ?

Очевидно, между этимъ вопросомъ и ногой дамы существовала какая-то связь, потому-что одновременно съ вопросомъ юбка немного приподнялась и выявила очень недурную ногу выше щиколотки.

— Трудно отвѣтить, — серьезно возразилъ редакторъ, искоса взглянувъ на ногу. — Женщинѣ столько лѣтъ, сколько даетъ ей паспортъ.

— А вы знаете, въ заграничныхъ паспортахъ лѣта не указываются... Такая прелесть. Бываете въ Монте-Карло?

— Бываю. Гдѣ же ваша рукопись?

— Рукопись? Сейчасъ... Гм! Забыла!! Ей-Богу забыла. Ну, да это не важно. Чепуха... Вотъ-то будетъ хохотать Валя, когда я ей расскажу!..

Практичный Шпигельглюзъ.

Первый вопросъ его былъ таковъ:

— Шпигельглюзъ. Сколько вы платите за стиховъ?

— За какихъ? — въ тонъ ему спросилъ редакторъ.

— Вотъ, напимѣрь, за этихъ?

Онъ протянулъ редактору свертокъ.

Быстро проглядѣвъ свертокъ, редакторъ сказалъ:

— За ваши стихи я заплачу три рубля строка, конечно, при условіи, что стихи подойдутъ.

Онъ вскочилъ со стула и взмахнулъ рукой:

— Ну, такъ печатайте!!!

— Да, но только къ сожалѣнію, ваши стихи не подходятъ.

Онъ снова опустился на стулъ, съ такимъ усталымъ видомъ, будто всю свою энергію израсходовалъ на полный страсти крикъ: „ну, такъ печатайте!!“

Спросилъ утомленно:

— А проза у васъ почему?

Редакторъ подмигнувъ мнѣ однимъ глазомъ и сказалъ серьезно:

— За прозу мы вамъ можемъ предложить полтора рубля строка.

— Полтора? Гм... Конечно, я вижу, что стихи писать выгоднѣе, но проза легче. А? Развѣ неправда? Пиши себѣ о чемъ хочешь, и рифмы не надо. А рисунки?

— Что рисунки?

— Почему у васъ?

— За вашъ рисунокъ при условіи, конечно, что онъ подойдетъ — заплатимъ сто рублей.

Шпигельглюзъ взялъ лежавшій на столѣ номеръ журнала и погрузился въ размышленія.

— Вотъ такіе рисунки нужно рисовать?

— Да.

— А безъ красокъ дешевле?

— Все равно.

— Тогда почему же эти ваши художники рисуютъ въ краскахъ, когда безъ красокъ легче, а плата та-же... Сапожники! Слушайте, а сколько въ страницѣ строкъ?

— Сто восемьдесятъ.

— Это значитъ, за стихи будетъ мнѣ страница 540 рублей, а проза 270. А рисунокъ 100. Абсурдъ! Дуракъ я, чтобы сталъ рисовать вамъ рисунки! Я буду писать вамъ что-нибудь изъ стиховъ.

— Пожалуйста.

Уходя, онъ спросилъ:

— А за короткія строчки стиховъ и за длинныя плата — все равно?

— Все равно.

— Дуракъ я, чтобы писать длинныя. Буду писать короткія!

Прощаясь, пощупалъ пальцами матерію пиджака редактора и спросилъ:

— У кого шьете?

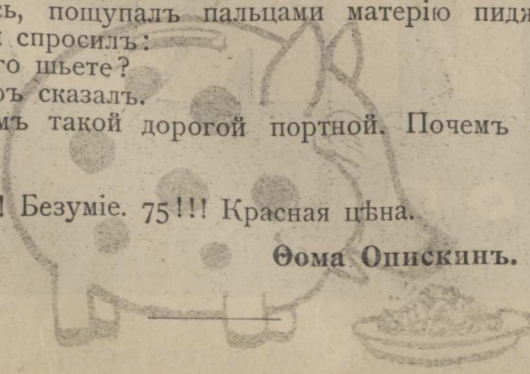
Редакторъ сказалъ.

— Зачѣмъ такой дорогой портной. Почему платили?

— 110.

— Ого!! Безуміе. 75!!! Красная цѣна.

Тома Опискинъ.

БУКЕТЪ.

Однимъ изъ нашихъ читателей присланъ полный наборъ опечатокъ, извлеченныхъ изъ двухъ южныхъ газетъ (изъ симпатіи къ нимъ — названія не указываемъ).

Полагаемъ, что въ номерѣ, посвященномъ „почтовому ящику“ — этотъ удивительный букетъ цвѣтовъ корректорской небрежности будетъ, какъ нельзя болѣе, умѣстенъ:

— На докторѣ была гугенотовая шуба.

— Въ водопроводной водѣ найдены потогонныя бациллы.

— Ивановъ умеръ отъ апокалипсического удара.

— Финисъ Нинляндія, — крикнулъ Пуришкевичъ.

— Криминальнымъ *) вопросомъ зазданія былъ вопросъ о сдачѣ театра антрекоту Никулину.

— Близъ чорта Медуа появились три итальянскихъ судка.

— Старшины съѣли гробъ — одна ножка осталась.

— Подсудимый — типичный деньгорадъ.

— Нѣтъ худа безъ бобра!

— Сегодня, 28 августа, годовщина смерти великаго русскаго писателя А. П. Толстого.

— Купленная у Ф... ливрейная колбаса...

— Философъ Синька...

— Сгорѣло три деревенныхъ сара чайчика.

— Неустрашимый борець — аптекарь Заикинъ...

— Король Георгъ проситъ прошенія у всѣхъ, кого ему пришлось обѣдать при жизни, и молитъ Бога сохранить его возлюбленную маменьку Грецію.

— Разсматривая эту карту, графъ Витте сказалъ: «Liebeu ohne Witte» (пѣсня безъ словъ).

— Курзалка **) Нана. Драматическая картина.

Сообщилъ Е. Д.

МОНОЛОГЪ ПОЧТОВАГО ЯЩИКА.

Мнѣ сладка радость бытія,
Хоть я въ глазахъ иныхъ — машина.
Подруга вѣрная моя —
Редакціонная корзина.

Бумаги цѣлыя стога
Взрываемъ мы, — насъ манитъ греза:
Таятся гдѣ-то жемчуга
Средь графоманскаго навоза!

Нашъ трудъ упоренъ, кропотливъ...
Любовью къ слову пламенѣя,
Я — нервень, рѣзокъ и крикливъ,
Она, какъ женщина, скромнѣе.

Я въ номеръ лѣзу напроломъ
И, какъ журналъ, врашаюсь въ свѣтъ,
Она жъ подъ письменнымъ столомъ
Стоитъ покорно въ кабинетѣ.

Вдвоемъ фильтруемъ мы потокъ
Нелѣпныхъ рифмъ и скучной прозы, —
Ну, какъ не дать тому щелчекъ,
А тамъ не высмѣять курьезы?!

Но и талантливый ростокъ
Порой подѣнешь жаломъ шутки,
Такъ акушеръ даетъ шлепокъ
Новорожденному малюткѣ!

Вдвоемъ обслуживаемъ мы
Родную русскую словесность,
И съ нашей помощью средь тьмы
Порой заискрится извѣстность!

Намъ предначертано судьбой
Взрывать россійскую цѣлину!...
Такъ славьте жъ всѣ наперебой
Почтовый ящикъ и корзину!

Красный.

*) Кардинальнымъ.
**) Куртизанка.

ИЗЪ НАШЕГО АРХИВА.

I.

Письмо и стихотворение „Современнаго Гомера“. Печатаемъ то и другое полностью. Оригиналъ какъ этого письма, такъ и другихъ, хранимъ для тѣхъ сомнѣвающихся, которые почему-то полагаютъ, что стихи и проза Почтов. Ящика сочиняются въ редакціи.

Какъ видно изъ письма, „Совр. Гомеръ“ началъ писать стихи съ 9 лѣтъ, и многіе изъ его знакомыхъ „находили его стихи недурными...“ Блестящая аттестація!

Милостивый Государь,

Г. Редакторъ!

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ я посылаю Вамъ, съ просьбой напечатать въ одномъ изъ первыхъ №№ Вашего глубокоуважаемаго журнала, мою „Элегію“.

Давно моей мечтой было сдѣлаться поэтомъ, и вотъ я рѣшилъ теперь выставить одно изъ своихъ стихотвореній на судъ публики. Конечно, на милостивый приговоръ ея сразу не могу рассчитывать, но, кажется, многія въ немъ найдутъ и искреннее чувство и поэзію.

Мнѣ теперь 18 лѣтъ, но стихотворенія я началъ писать съ 9 лѣтъ и за это время написалъ двѣ объемистыхъ тетради стиховъ. Не хвалясь скажу, что многіе изъ моихъ знакомыхъ находятъ мои вещи недурными и даже предсказываютъ мнѣ блестящую будущность на поприщѣ литературы и поэзіи. Мнѣ особенно удается подражаніе Пушкину, Сергѣеву, Ценскому, Максиму и др. поэтамъ.

Съ своей стороны могу Вамъ обѣщать и дальнѣйшее участіе въ Вашемъ журналѣ и на дняхъ вышло Вамъ наложеннымъ платежемъ первую тетрадь своихъ стихотвореній (ихъ всего 208).

Что касается гонорара, то я удовольствуюсь 1 руб. за строчку. Псевдонимъ мой — „Современный Гомеръ“. (Конечно, я не претендую на то, чтобы меня смѣшивали съ извѣстнымъ писателемъ Гомеромъ, но этотъ псевдонимъ, кажется, болѣе подходит ко мнѣ, почему я его и избралъ).

Примите и пр. Г. К.

ЭЛЕГИЯ.

Разъ, вечеромъ чуднымъ,
Я тихо шель съ тобой...
Лягушки голосомъ нуднымъ
Въ болотѣ квакали порой...

* * *

Ты у сосны высокой сѣла,
А я къ ногамъ твоимъ упалъ,
И ты мнѣ пѣсно тихо пѣла,
А я внималъ тебѣ съ тоской.

* * *

Ты пѣла въ сладостномъ томленьи:
„Милый мой, люблю тебя!“
Внимали симъ рѣчамъ въ сомнѣнн
И звѣзды, лѣсъ, шептавшійся съ природой...

* * *

Теперь же все прошло... на вѣкъ...
Нѣтъ больше этихъ чудныхъ словъ...
И такъ исчезнетъ всякій человѣкъ.
Безслѣдно также, какъ все это.

Совр. Гомеръ.

II.

Позволяемъ себѣ привести письмо, адресованное въ „Шиповникъ“ и переданное намъ Леонидомъ Николаевичемъ Андреевымъ (отрывокъ изъ этого письма приводился Аркадіемъ Аверченко въ его рассказѣ „Аргонавты“). Письмо прислано жителемъ мѣстечка Степанцы Кіевск. губ., г-номъ М. Г.

Милостивый Государь.

Посылаемая при семъ рукопись адресуется на имя редактора „альманаха“ Леонида Николаевича Андреева, — причѣмъ, покорнѣйше прошу передать ее въ распоряженіе незабвеннаго демагога двадцативѣковой литературы. Моя цѣль не столь строится въ славѣ своихъ раннихъ твореній, сколько въ полученіи авторитетныхъ анализовъ моихъ недосуговъ, а также воспользоваться свѣдущими данными изъ ихъ совѣтовъ, что открыло-бъ мнѣ все болѣе и легче альтернативы сокровищъ въ литературныхъ подвигахъ грядущихъ сочиненій. Мнѣ-бы очень желательно было видѣть эту рукопись на страницахъ „альманаха“, если у редакціоннаго комплекта будетъ матеріальная возможность, чего я очень покорно и отвѣтственно прошу. Изъ моего прошлаго могу ознакомить уважаемыхъ встрѣтителей сего письма нѣкоторыми мизерными отголосками. Въ бурные революціонные дни, когда „конституціонная дѣйствительность“ воспрянула, я былъ закопанъ въ томъ же „крамольномъ“ омутѣ, что и все освободительное гражданство. Это мнѣ мало пользы принесло. (Забылъ отмѣтить, что палъ жертвой „дружеской“ провокаціи и за слишкомъ крайнія убѣжденія въ культурной работѣ). Послѣ того процесса я встрѣтилъ въ своемъ юномъ корпусѣ моментовъ много невыносимыхъ, — даже до боли приведенныхъ, дефектовъ, что много повредило мнѣ въ главномъ сообразованіи со всей литературной корпораціей. Я немного отсталъ. Но — ничего. Моя жизнь еще далеко не запоздалая, и мнѣ нельзя еще опустить листву на безнадежное высушеніе и неозелененіе. Но, въ указаніяхъ и авторитетной помощи я очень нуждаюсь и лучшаго авториста, нежели Леонидъ Николаевичъ мнѣ не приступны и даже не сравнительны въ альтруистической области. Такъ, что теперь, когда я нахожусь въ захолустномъ мѣстечкѣ и помощи, т. е. нравоучительной использованности въ Степанцахъ мнѣ не найти, кромѣ, конечно, тѣхъ, кто нуждается въ моей мощи, — такъ что, повторяю: нуждаюсь въ указаніяхъ, какъ въ властныхъ распоряженіяхъ.

(Подпись).

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

За недостаткомъ мѣста знаменитыя среди сатириконцевъ переписка и стихи Бенціона Прицкера изъ Бѣлой Церкви — откладываются до слѣдующаго №.

НОВЫЙ САТИРИКОН

цѣна 15 коп

РЕ-МИ

ВИЛЛА РОДЭ

Дирекція АДОЛЬФА РОДЭ
у Строганова моста.
Телеф. 77-34 и 136-60.

Сегодня полная перемена программы.

СЕГОДНЯ и ЕЖЕДНЕВНО гастроль ФЕНОМЕНА МИРА.
Гвоздь Америки! Въ первый разъ въ Европѣ! Чудо природы!

Мистеръ ВИЛЛАРДЪ,

человѣкъ, растущій по желанію. Увеличивъ произвольно свой ростъ Приглашенъ только на нѣсколько гастролей.
Всемирно-знаменитая труппа арабовъ 12 ВЕЗЗАНЪ 12 изъ Лондонскаго théâtre Algambra. Marguerite Delbaf, этуаль théâtre de la Stala. M-r АЛЬБЕРТЬ, M-ss ЛИЛИ, изъ Лондонск. théâtre Hippodrome. King Bailef Duo. Lucie Obreon. Maroco Hervaf. АМЕРИ и ЖУАНИТА, аттракціонъ спорта изъ théâtre Olympia и мн. др.
Ежедн. ОБЪДЫ съ 6 ч. д. Въ саду „PAVILLON de CRISTAL“.

ЛѢТНИЙ БУФФЪ

Дирекція „ПАЛАСЬ-ТЕАТРА“.
Фонтанка, № 114.
Телефоны: кассы 416-96, конторы 479-13.
(И. Н. Мозговъ, В. А. Кошкинъ, В. Н. Пигалкинъ
М. С. Харитоновъ, Н. Н. Поликарповъ и Комп.).

СЕГОДНЯ и ЕЖЕДНЕВНО Русская оперетта

ПРИ УЧАСТИИ: Г-жѣ Аренской, Варламо-
вой, Гуриэлли, Зброж.-Пашковской, Ка-
вецкой, Лерма, Тамары, Шуваловой;
Г-дѣ Александровскаго, Брагина, Коржев-
скаго, Ростовцева и др.
Гл. режис. В. Ю. Вадимовъ. Дир. Л. Гебенъ.

Послѣ окончанія спектакля
Кафе-Концертъ до 3-хъ ч. утра
Блестящая программа!
: Новые дебюты! :

Цѣна за входъ 50 коп. Лица, взявшія
билеты въ театрѣ, за входъ въ садъ не
платятъ.

СЛОЖНЫЙ КРОВОЯНОЙ ПРЕПАРАТЪ

ГЕМОЗАНЪ

Невской Гигиенической Лабораторіи питательныхъ веществъ.
Удостоен. высшей награды (золотая мед.) на международной выставкѣ
питательн. веществъ въ Лондонѣ.

Рекомендуется врачами, какъ испытанное питательное и укрѣпляющее
средство въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется обогатить нашу кровь со-
ставными ея частями, чтобы поднять общее питаніе, увеличить вѣсъ
тѣла, улучшить аппетитъ и укрѣпить нервную систему.

Гемозанъ анализированъ въ лабораторіи при Военно-Медиц. Академіи. —
Содержитъ органич. желѣзо, бѣлки, лецитинъ, нуклеинъ, глицерофосфаты,
Гемоглобинъ и друг. Имѣетъ пріятный вкусъ какао. Примѣняется при мало-
кровіи, ослабленіи организма, нервастеніи, истеріи и проч. Съ большимъ
успѣхомъ принимается дѣтьми. Имѣется въ лучш. аптекарск. магазинахъ и
аптекахъ. Цѣна 1 кор.—2 р. 80 к., 1/2 кор.—1 р. 50 к. Остерегаться поддѣлокъ!
Главное депо: Невскій, 98. Невская Гигиенич. Лабораторія. Тел. 427-67.
P. S. Кефиръ, кумысъ, лактобациллинъ, болгарская простокваша. Доставка
на домъ бесплатно.

Гдѣ бывають артисты и писатели ?

ВЪ РЕСТОРАНѢ
„ВЪНА“

ул. Гоголя, 12. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные кабинеты. Торг. до 3-хъ ч. ночи.

ГОТОВИТСЯ КЪ ВЫХОДУ ВЪ СВѢТЪ
НОВАЯ КНИГА

Тома Опискинъ

Сорные травы

съ портретомъ автора и предисловіемъ АРКАДІЯ АВЕРЧЕНКО.

„Аркадій“

САВЕРЧЕНКО

Черныиъ
по
бѣлому.

Складъ изданія: СПБ., Книжный складъ
„ЗЕМЛЯ“, Невскій, 55.

Продолжается подписка на 1913 г. на большую новую ежеднев-
ную, политическую, прогрессивную, безпартійную газету

„РУССКАЯ МОЛВА“

Газета ставитъ своей задачей служить борьбѣ за право и культуру, за
осуществленіе стремленій прогрессивной и демократической Россіи. Въ
странѣ, вопреки всѣмъ препятствіямъ, совершается непрерывный политиче-
скій, экономическій и культурный ростъ. Отразить въ себѣ это неуклон-
ное и несомнѣнное расширеніе жизни, дать ему правильное истолкованіе—
вотъ главная задача новой газеты. Общегосударственная жизнь и постоян-
ный культурный обменъ уже объединили неразрывной духовной связью
разноязычныя народности, входящія въ составъ государства. Принимаясь
за новое дѣло, редакция надѣется, что найдетъ и сочувствіе, и откликъ, и
живую поддержку въ тѣхъ, кто можетъ и хочетъ раздѣлять ея стремленія.

Богатство справочнаго матеріала. Широкая освѣдомленность.

Ежедневно въ справочномъ отдѣлѣ будетъ помѣщаться по возможности
полный перечень новыхъ книгъ по вопросамъ специальнымъ и общественно-
литературнымъ.

Въ газетѣ были помѣщены статьи слѣдующихъ авторовъ:

кн. З. Д. Авалова, священ. К. М. Агеева, С. А. Адрианова, чл. Гос. Думы
А. М. Александрова, С. Я. Арефина, К. К. Арсеньева, А. А. Блока, Р. Бо-
дуэнъ де Куртэнъ, Ив. Бунина, Юли Вейсбергъ, чл. Гос. Думы Л. А. Вели-
хова, Веркина (Пекинъ), Н. М. Волковскаго, Юлія Верховскаго, чл. Гос.
Думы П. В. Герасимова, М. О. Горшензона, С. Городецкаго, В. И. Грантъ
(Парижъ), В. С. Григорьева, проф. Д. Д. Гримма, проф. Э. Д. Гримма, чл.
Гос. Думы П. П. Гронскаго, П. К. Губера, Любови Гуревичъ, В. Ф. Гебдингъ,
В. Динзе, Н. Ф. Езерскаго, А. К. Елачина, чл. Гос. Думы И. Н. Ефремова,
И. В. Жалкина, З. Н. Журавской, Бориса Зайцева, Е. А. Зноско-Боровскаго,
А. П. Иванова, Э. Капелюна (Вѣна), проф. А. А. Кауфмана, проф. Макима
Ковалевскаго, К. и О. Ковалевскихъ, проф. С. А. Комаревскаго, О. Я. Ларина,
Б. Лебедева (Лондонъ), И. О. Левина, кн. Г. Е. Львова, чл. Г. Д. Н. Н. Львова,
проф. П. И. Лоблинскаго, чл. Г. Д. В. А. Маклакова, чл. Г. Д. М. М. Новикова,
В. П. Обнинскаго, Н. А. Окунева, Б. С. Орѣшкіна, В. Д. Плещина, проф. А. Е.
Прьянкова, Д. Д. Протопопова, А. М. Ремизова, Н. Н. Римской-Корса-
ковой, А. Н. Римскаго-Корсакова, Русина (Константинополь), А. Н.
фонъ-Рутицена, А. М. Рыкачева, Бориса Садовскаго, А. П. Семенова-Тян-
шанскаго, М. А. Славинскаго, проф. С. И. Созонова, А. А. Стаховича, Лю-
бови Столицы, П. Б. Струве, В. С. Споровой, кн. Евг. Трубицкаго, А. В. Тыр-
новой (Варшавскій), И. Федорова (Брюссель), Е. А. Флетишица, С. Л. Франка,
чл. Гос. Думы М. В. Челнокова, А. Чернаго (Сани Чернаго), И. М. Черно-
горова (Берлинъ), В. Ф. Шишмарева, Г. Н. Штильмана, К. М. Шумскаго,
Justus (Сербія), Ва. Юнгера, С. П. Яремича, проф. Л. Яснопольскаго и мн. др.

Подписная цѣна съ доставкой :

на 12 м.—9 р., на 6 м.—5 р., на 3 м.—2 р. 75 к., на 1 м.—1 р. При подпискѣ
на годъ съ 1-го января допускается разсрочка: при подпискѣ — 4 руб.,
къ 1-му апрѣля — 3 руб. и къ 1-му августа — 2 руб.

Для сельскихъ учителей и священниковъ, для учащихся въ высшихъ учеб-
ныхъ заведеніяхъ, фельдшеровъ, крестьянъ, рабочихъ и приказчиковъ пр-
непосредственномъ обращеніи въ Главную Контору подписная цѣна пони-
жена: на 12 м.—7 р. 20 к., на 6 м.—4 р., на 3 м.—2 р. 25 к., на 1 м.—80 к.
Допускается разсрочка: при подпискѣ — 3 р. 20 к., къ 1-му апрѣля —
2 р. 50 к. и къ 1-му августа — 1 р. 50 к.

Пробный номеръ высылается БЕЗПЛАТНО.

Адресъ Главной Конторы: СПБ., Троицкая ул., д. 15—17. Тел. 121-54.

Адресъ редакціи: СПБ., Троицкая, 15—17. Тел. 121-44.

Адресъ для телеграммъ: Петербургъ, Русомлова.

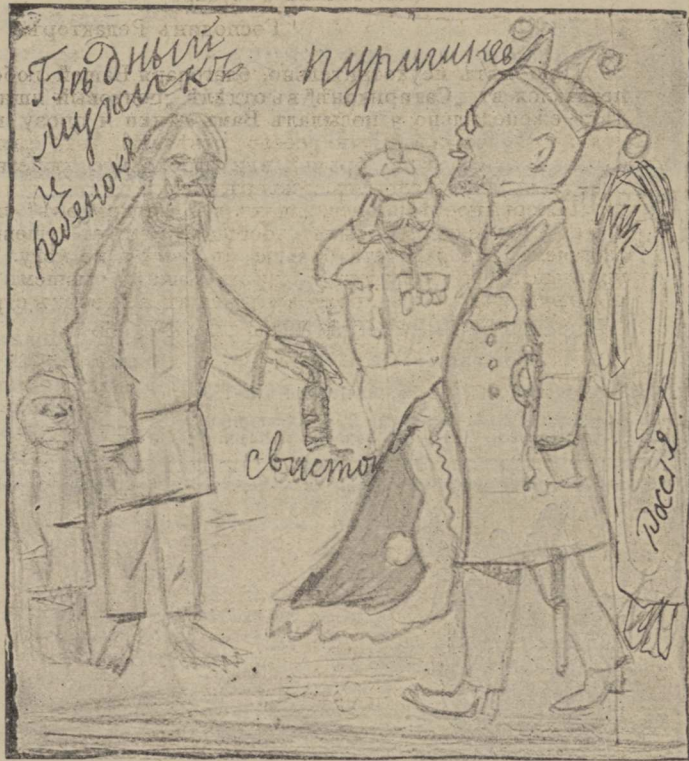
(Почтовый ящикъ).

Ишь чего захотѣла.

Онъ. — О, пожалуйста, придите завтра на свиданіе въ 7 час. вечера.

Она. — Такъ вы мнѣ подарите золотые съ брилліантами часы, чтобы не опоздала... Ха-ха! (Кокетничаетъ).

Крестьянинъ. — Вотъ тебѣ, Вольдемаръ, свистокъ.

Пуришкевичъ. — Ну, братецъ, я раньше въ кулакъ свисталь — теперь и кулакомъ свистну (бьетъ всѣхъ).

Россія — плачетъ.

Гражданское.

Борець за правду.

Я не боюсь неправды больше,
Бичемъ сатиры я обличу
Въ Россіи, въ Сибири, даже въ Польшѣ
Всѣхъ, кого только захочу.
Я не боюсь всесильныхъ міра
И буду карать и буду бичевать,
Пока не придетъ въ народъ „Кумира“,
Которая поможетъ родинѣ сіять.
Бѣднягъ не будетъ жить ужъ въ потѣ.
Богачъ не будетъ жадно ѣсть.
И женщины и нищія въ работѣ
Не будутъ крестъ свой несть.

Максимъ Безпріютный.

Обличительное.

Развратъ въ „Сестрорѣцкомъ Курортѣ“.

Есть студентики въ курортѣ,
Посмотрите тамъ и тутъ,
Въ университетѣ въ третьемъ сортѣ
Они, а здѣсь развратницы берутъ
Ихъ, свершая съ ними блудъ.
Матери почтенныя семейства
Съ ними слушаютъ оркестръ,
Не боятся преступнаго злодѣйства,
Отбивая ихъ у нивѣсть.

Посмотри, лучше охальникъ,
Въ единицахъ весь твой бальникъ!

Не-развратникъ.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивый Государь,
Господинъ Редакторы!

Пять лѣтъ неукооснительно, благодаря Вашей любезности, я печатался въ „Сатириконѣ“ въ отдѣлѣ „почтовый ящикъ“. Пять лѣтъ еженедѣльно я посылалъ Вамъ стихи и прозу и каждую недѣлю Вы остроумно и весело отвѣчали мнѣ: „эхъ, братъ, плохо, братъ... тупо, братъ“, или „проходите, любезный“, или отвѣтъ въ двухъ словахъ: „скверъ но“.

Теперь, послѣ происшедшихъ въ „Сатириконѣ“ измѣненій, я, милост. государь, долженъ сообщить Вамъ съ душевнымъ прискорбіемъ, что работать больше съ Вами я не могу: я теперь приглашенъ сотрудничать въ Вашемъ бывшемъ журналѣ, и сотрудничать не въ почтовомъ ящикѣ, а на всѣхъ страницахъ. Что хочу: стихи, рассказъ, поэму — что угодно.

Мнѣ грустно расставаться съ Вами, но что-же дѣлать. Въ концѣ концовъ, когда становишься старше — хочешь сдѣлать карьеру. Почтовый ящикъ былъ тѣсенъ, узокъ, а молодость уходитъ... Не поминайте лихомъ и —

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи

(подпись неразборчива).

СПб., Псковъ, Тула, Кемь, Томскъ,
Пинскъ, Сочи, Куокалла...

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во Н. Сатириконъ.

КИНКИНА

одинъ изъ трехъ словъ, составляющихъ названіе настоящаго французскаго діететическаго вина

СЕНЬ-РАФАЭЛЬ КИНКИНА.

Ты не предчувствуешь!!!

какую радость, какое здоровье и удобство тебѣ даетъ

„Прана“ Спарклетъ!

Одинъ опытъ убѣдитъ!
Немедленное, постоянно свѣжее приготовленіе всѣхъ шипучихъ напитковъ!

Превосходное освѣженіе для всѣхъ жаждущихъ жителей города и деревни.

Получить можно въ аптекахъ, аптекарск. и хозяйств. магаз. и пр.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльный, общественно-политическій, литературно-художественный, научный и иллюстрированный ЖУРНАЛЪ

За Удѣломъ

съ приложеніемъ при каждомъ номерѣ журнала отдѣльной книжки новѣйшихъ беллетристическихъ произведеній.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: А. М. Арнштамъ, Н. П. Борецкій — Бергфельдъ, А. М. Бродскій, Марія Ванъ, М. А. Вейконе, А. Вережниковъ, В. Вернеръ, Б. Верхоустинскій, В. М. Вольскій, Б. Ф. Гейеръ, С. М. Городецкій, К. И. Диксонъ, М. Зенкевичъ, Георг. Ивановъ, П. П. Ивановъ, В. Г. Каратыгинъ, А. Я. Левинсонъ, В. О. Левицкій, Д-ръ В. Л. Львовъ-Рогачевскій, О. Мандельштамъ, С. Михайлова — Штернъ, Д. Семеновскій, А. М. Хирьяковъ, Ф. А. Череванинъ, Д. А. Черномориковъ, Г. Чулковъ и др.

Подписная плата съ доставкой и пересылкой: на 1 годъ—5 р., на 6 м.—2 р. 50 к., на 3 м.—1 р. 25 к. | Подписка принимается только съ 1-го числа и на 1 м.—50 к. За границу: на 1 г.—7 р., на 6 м.—3 р. 50 к., на 3 м.—1 р. 75 к. и на 1 м.—70 к. | Подписка принимается только съ 1-го числа каждого мѣсяца. Цѣна отдѣльнаго № 15 к.

Контора и редакция: С.-Петербургъ, Николаевская, 16, кв. 31. ☉☉ Телеф. 201-91.

Подписываться можно въ магазинѣ МЕЛБЕ и К^о Невскій 20, а также и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

Отдѣльные номера продаются, кромѣ того, у газетчиковъ, на станціяхъ жел. дорогъ и на пристаняхъ пароходныхъ обществъ. За перемѣну адреса 25 к. можно марками.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ

ТРЕТЬЯ КНИГА

Новыхъ миниатюръ и
одноактныхъ пьесъ

Аркадій Аверченко.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на второе полугодіе (съ 1-го іюля по 1-ое января)

на еженедѣльный

литературно-художественный журналъ

„Жизнь“.

Во второмъ полугодіи будутъ помѣщены, между прочимъ, произведенія слѣдующихъ авторовъ: А. И. Купринъ „Ежъ“ разск., А. Каменскій „Мой гаремъ“ разск., А. Гринъ „Дэзи“ разск., Полярный „Споръ“ разск., Тавричанинъ „Книга великаго хамства“ статья, А. Заринъ „Кровавыя страницы“ статьи со многими кошмарными фотографіями, Георгій Ляндау „Клопъ“ и „Черный паукъ“ разск., Бродовскій „Именины“ (съ польскаго для „Жизни“) разск.

Подписная цѣна съ 1-го іюля по 1-ое января 1 р. 50 к. (годовая подписка 2 р. 50 к.).

Цѣна отд. № 5 к. Продажа всюду.

Изданіе Акц. 0-ва „АНОНСЪ“ МОСКВА, Б. Лубянка, 20.

Путь къ счастью. Какъ надо жить. Сочиненіе д-ра философіи Ф. Кирхнера. 1 р. 75 к. Популярный профессоръ старается указать намъ, какъ можемъ мы примириться съ жизнью и гдѣ и въ чемъ можемъ искать утѣшеній и наслажденій, которыя даетъ намъ природа, искусство, чтеніе, дружба, домашній очагъ, религія, трудъ и отдыхъ, рисуя свѣтлую будущность человѣка. Все сочиненіе проникнуто ободряющимъ духомъ. Трезвые взгляды проводятся имъ въ такой легкой популярной формѣ, что книга эта является необходимою каждому читателю и будетъ прочтена имъ съ громадною для себя пользою.

Электричество вездѣ и къ услугамъ всѣхъ и каждого. Общедост. основныя начала объ электричествѣ, элементахъ и пр. Изготовленіе аккумуляторовъ, элементовъ, сухихъ батареекъ. Какъ устроить электрическое освѣщеніе при помощи элементовъ, установка телефоновъ, электрическихъ звонковъ. Подробные расчеты, чертежи и пр. Маленькія динамо-машинки, электродвигатели. Гальванопластика: золоченіе, серебрѣніе. Устройство телефона домашними средствами. Ц. 2 р. 50 к. Заказы выполняются по полученіи стоимости или же съ наложеннымъ платежомъ. Книгоизд. и книжн. складъ И. И. ВАНЬКОВИЧЪ. СПб., Итальянская ул., № 14/120.

ПРОСТОЙ СПОСОБЪ.

Начинающій писатель: — Я вамъ, значить ко вторнику перепису разсказъ. Одну сторону бумаги, какъ полагается, оставлю чистой...

Редакторъ (послѣ паузы): — Да, да... И другую тоже.

СЕКРЕТНО

(въ запечат. пакетѣ) высылаю фотографическіе снимки парижск. жанра особо пикантные, налож. плат. цѣна 10 шт. 3 р. 10 к. и 5 р. 15 к. (будуарный размѣръ).

Москва, комм. ящикъ № 2099. Іюль. Янъ.

Баронесса. Намазана. Приходитъ съ такимъ видомъ, будто одолженіе дѣлаетъ. Садится безъ приглашенія и сейчасъ же подчеркиваетъ, что рукопись написана ею очень небрежно. „Писала кое-какъ, потому что до 4-хъ утра была на вечерѣ у французскаго посланника“. Вретъ. Нигдѣ она не была, сидѣла дома; задача ея — ошеломить редактора связями. Сидитъ она часъ, трещитъ безъ умолку, разглядывая сотрудниковъ въ лорнетъ, а когда уходитъ, редакторъ велитъ открыть форточку, такъ какъ отъ духовъ разбалывается голова.

Рукопись въ это время уже лежитъ въ корзинѣ.

Еще передъ дверью въ помещеніе редакціи онъ уже весь мокрый. Потѣеть еще больше — отъ страха, что редакторъ поздоровается съ нимъ, а рука у него мокрая.

Тутъ же вспоминаетъ, что въ разсказѣ слово „черезчуръ“ написано черезъ „ѣ“ — и впадаетъ въ полное уныніе. вмѣсто редактора, наскокиваетъ на завѣдующаго объявленіями и, про-бормотавъ что-то, хочетъ скрыться. Это ему удается не сразу, такъ какъ онъ, вмѣсто двери, пытается выйти черезъ дверцы шкапа.

Рукопись его написана на бумагѣ съ сѣрыми линейками. Скоро она начинаетъ пахнуть духами, такъ какъ лежитъ рядомъ съ баронессинимъ конвертомъ. Въ корзинѣ.

Изысканъ. Говоритъ очень туманно, но авансъ проситъ на обыкновенномъ человѣческомъ языкѣ.

Аванса ему не даютъ:

Требуетъ, чтобы рукопись прочли сейчасъ же, такъ какъ ее уже ждутъ въ другой редакціи. Вретъ. Рукопись ему уже вернули изъ всѣхъ редакцій. Оставляетъ все же рукопись „не позже, чѣмъ на три дня“ и уходитъ со смутной надеждой въ сердцѣ, что редакторъ глупъ, и рукопись, истертая по краямъ, наконецъ-то будетъ напечатана... Черезъ десять минутъ послѣ того, какъ онъ ушелъ, и его произведеніе начинаетъ пахнуть духами.

Бѣдная, разбитая на ноги кляча... Чѣмъ онъ живетъ, что ѣсть? Никто не знаетъ. Каждый день, круглый годъ ходитъ онъ изъ редакціи въ редакцію, роется въ своемъ объемистомъ мѣшкѣ и всюду оставляетъ тетрадки, пожелтѣвшія, замасленныя, пахнушія мышами. Не обидчивъ, кротокъ. Безмолвно беретъ возвращаемую рукопись. Ну, поглядите на него — какой онъ юмористъ... Иногда редакторъ даетъ ему 3 рубля будто бы „авансомъ“.

Если недѣлю онъ не показывается въ редакцію — вѣрный признакъ, что умеръ.